

УДК 301 + 312
ББК 60.55 + 60.7
М 695

М 695 *Михеева А.Р.* **Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений.** – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.

ISBN 978-5-89665-251-9

Рецензенты:

д.с.н. Корель Л.В.
д.э.н. Соболева С.В.
д.с.н. Солодова Г.С.

В книге представлены результаты социолого-демографического исследования закономерностей трансформационных процессов в сфере семьи, брака, родительства, а также современного состояния этой сферы. В теоретических главах книги содержится разработанная автором концепция социального механизма взаимодействия институциональных трансформаций в сфере частной жизни и демографического развития общества; в основу этой концепции положены базовые принципы теории генетического структурализма П. Бурдьё, а также вводимые автором категории «приватно-демографического поля» и «приватно-демографического хабитуса». Разработанная концепция позволяет автору интегрировать демографические и социологические подходы и методы анализа данных, выявить на их основе современное состояние российской и сибирской семьи.

Книга адресована социологам, демографам, экономистам, преподавателям, студентам, аспирантам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется социально-демографическими проблемами современности.

УДК 301 + 312
ББК 60.55 + 60.7
М 695

ISBN 978-5-89665-251-9

© Михеева А.Р., 2012
© ИЭОПП СО РАН, 2012

Часть I

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СТРУКТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Глава I

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Семья является одним из основных, фундаментальных институтов существования человека и общества. Уже это знание само по себе говорит об актуальности её исследования, изучения направления трансформаций внутрисемейных отношений, изменений места этого института среди других основных социальных институтов. Главное свойство семьи, придающее ей институциональный характер – обеспечение воспроизводства человеческого общества, т.е. рождение потомства, его выхаживание и «научение» жизни в обществе.

Изменения этого института происходят на протяжении всей истории человечества. Институтция «семья» приспосабливается к тому, какие трансформации происходят в обществе – в его экономической, политической, социально-культурной сферах. Иногда отдельные аспекты этих изменений требуют большой «гибкости» институтов брака и семьи, хотя некоторые стороны жизни семьи не трансформируются веками, тысячелетиями.

То, что трансформации семьи необходимы и закономерны, наглядно иллюстрирует высказывание Герберта Отто, взятое авторами книги «Семья на пороге третьего тысячелетия» в качестве эпиграфа: «Если чему-то суждено погубить нас и как семью, и как общество, то это не изменение, а неспособность изменяться» [Семья..., 1995, с. 9]. В процессе трансформации¹

---

¹Под современными (сегодняшними) трансформациями институтов брака и семьи подразумевается не процесс системного изменения, но изменение форм (трансформации) этих институтов, переход их от одной формы к другой. *Системными считаются* два эволюционных этапа в истории развития семьи. Первый (доисторический) – происхождение моногамного брака; второй (XVIII–XIX вв. – модернизационный) – появление элементов «рационального» поведения в сфере брака и семьи: брачного выбора, возраста вступления в брак, рождения детей, их числа, календаря рождений.

семья всегда приспосабливалась и приспосабливается в наше время к потребностям общества в новых членах — здоровых, воспитанных, образованных — так что её воспроизводственная функция всегда оставалась и остаётся главной.

1.1. «Трансформация» или «кризис»: постановка научной проблемы

Состояние дел в сфере семьи и брака на протяжении уже нескольких десятилетий в России многими современными авторами характеризуется и в терминах «кризиса», «упадка», «деградации», «распада», и в терминах «трансформации», «эволюции», «модернизации». Основными аргументами сторонников как первого, так и второго направления служат, главным образом, низкие и снижающиеся показатели рождаемости, брачности, высокие показатели разводимости, распространение неофициальных супружеских союзов, внебрачных рождений и т.д. А главными причинами-факторами этих явлений называют эмансипацию женщин, занятость их в общественном производстве, индивидуализацию жизненных путей мужчин и женщин, изменение всей системы брачных/семейных норм, ценностей — всё дальше отходящей от гендерных стереотипов, от традиционных семейных устоев (отношений).

Вопрос о том, что лежит в основе этих изменений, остаётся открытым. Отмечу, что уже на протяжении 40–50 лет в российских научных кругах — социологических, демографических, психологических, философских — идут горячие дискуссии о причинах, факторах и последствиях низкой рождаемости, высокой разводимости, низкой брачности и т.п. Современные социальные изменения в сфере брака и семьи в России трактуются как явления, разрушающие институциональность семьи и её нарастающую дисфункциональность. В 1990-е и последующие годы термин «кризис семьи» стал практически общепринятой характеристикой положения дел как при обсуждении современных демографических проблем — рождаемости, брачности, разводимости, так и социальных проблем, связанных с распространением детской беспризорности, социального сиротства в России, как следствиях такой ситуации в данной сфере (табл. 1.1).

Таблица 1.1

**Динамика социального сиротства
и беспризорности в России, тыс. чел.**

Показатель	1990	1995	2000	2005	2009
Выявлено и учтено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей	49,1	113,3	123,2	133,0	112,6
Численность детей, отобранных у родителей, лишённых родительских прав	20,6 (1993)	31,4	56,4 (2001)	74,1 (2006)	72,3

Источники: Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008, с. 250, 252; Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik-mgou.ru/ 2011/4). Психология, с. 87.

В то же время распространяется и феномен приёмных семей как реакция на растущее число детей – социальных сирот (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Число приёмных семей и численность детей в них*

Субъект РФ	2001	2005	2007	2008
Россия	1945 (4398)	5827 (11805)	11354 (20826)	22017 (38414)
Москва	10 (41)	9 (35)	8 (23)	26 (46)
Московская обл.	5 (24)	109 (185)	400 (574)	955 (1270)
Сибирские регионы				
Новосибирская обл.	4 (27)	125 (306)	345 (691)	655 (1194)
Кемеровская обл.	1 (6)	121 (213)	733 (1179)	1335 (2070)
Красноярский край	11 (108)	12 (80)	25 (118)	421 (1012)

*В скобках указано число приёмных детей.

Источник: Гурко Т.А., Белобородова О.А. Становление института приёмной семьи в регионах // СОЦИС. – 2009. – № 9, с.136.

Не останавливаясь пока подробно на «споре о терминах», т.е. на вопросе о соответствии понятий («деинституционализация», «реинституализация», «кризис», «деградация», «дисфункция» и пр.) тем процессам, которые происходят в реальности в семье, в сфере частной жизни, отмечу, что проблема понимания,

объяснения, интерпретации социальных изменений в брачно-семейной сфере стоит давно и весьма остро. Актуальность и острота этой проблемы связана с необходимостью и возможностями предвидения последствий этих изменений и управления ими с целью предотвращения негативных последствий для человека и общества.

Рассмотрим здесь кратко современную историю этой проблемы¹ (со второй половины XX века). В середине 1960-х годов в СССР, и особенно в России, на Украине, в Прибалтике, проблемой объяснения перехода к малодетной модели семьи сначала озадачились демографы, заметившие тогда тенденцию существенного снижения показателей рождаемости (вслед за послевоенным «бэби-бумом»). Снижаясь, коэффициент суммарной рождаемости в России (РСФСР) колебался около двух [Курман, 1987, с. 205–216, 209]:

1958–1959	1965–1966	1969–1970	1975–1976	1977–1978
2,63	2,13	1,97	1,97	1,94

И действительно, у малочисленных родительских поколений (предвоенных, военных и послевоенных) в 1960-х годах рождалось в среднем по 1–2 ребёнка. В следующие десятилетия ситуация с показателями рождаемости улучшилась (в основном, из-за нормализации численности и полового состава молодых поколений), но модель малодетной семьи сохранилась и по-прежнему оставалась наиболее распространённой. Кроме того, с середины 1960-х годов резко увеличились показатели разводимости – изменения в законодательстве облегчили процедуру развода. Исследования учёных, и теперь уже не только демографов, но и социологов, психологов, философов были нацелены на объяснение процессов, происходящих в сфере брака, семьи и в целом в демографической сфере общества, на выявление их факторов, на прогнозирование будущего этой сферы.

Некоторые авторы уже в 1970-х годах писали о проблеме грядущей депопуляции (абсолютного сокращения численности населения страны), обусловленной негативными явлениями в сфере брачно-семейных отношений: малодетностью, нестабильностью браков. Основные выводы многих работ в этой области были о

---

¹ Более подробно исторические аспекты методологии интеграции социологии семьи и демографии будут рассмотрены в п. 2.2 настоящей монографии.

необходимости материального стимулирования рождаемости, об усилении идеологической работы, нацеленной на повышение ценностей многодетности/среднедетности.

В 1980-х годах в СССР были разработаны и реализованы мероприятия социальной политики, направленные на финансовую помощь и поддержание женщин, родивших детей: были увеличены небольшие до того пособия, добавлены оплачиваемый отпуск (до достижения ребёнком 1 года) и неоплачиваемый отпуск (до достижения ребёнком 3 лет). В результате этих мер показатели рождаемости немного выросли (реализовались отложенные рождения), но малодетность всё-таки осталась главной характеристикой репродуктивного/воспроизводственного поведения семьи.

Затем наступили 1990-е годы, которые принесли в российское общество целый комплекс социальных, экономических, культурных трансформаций, деформаций, кризисов, реформ. И в те же годы появились демографические и социологические исследования, результаты которых свидетельствовали о новом (сильном) снижении числа рождений, детей в семье, о распространении таких «как бы новых» явлений в частной жизни россиян, как сожительства, внебрачные рождения (см., например, [Михеева, 1994; Иванова, Михеева, 1998]).

Здесь уместно напомнить, что П. Сорокин ещё в 1916 г. писал об аналогичных же тенденциях как эмпирических свидетельствах того, что он назвал тогда «углубляющимся кризисом» института семьи. В связи с этим он в начале XX века обсуждал следующие явления в сфере семьи и брака: растущий показатель разводов; уменьшение числа заключаемых браков; удовлетворение полового влечения вне брака; рост числа внебрачных детей; рост числа абортёв; распространение проституции; уменьшение числа детей в браке; эмансипацию женщин; превращение брака в светский институт; передачу государству воспитательных, образовательных и опекунских функций (цит. по: [Голод, 1998, с. 44, 243]).

В более поздних работах общее понимание кризиса семьи как части более широкого кризиса (современного общества) у П. Сорокина изменилось. Потом он будет трактовать происходящие в семье процессы уже более умеренно, называя их флуктуацией, циклическими изменениями, интеграцией/деинтеграцией, и комплекс этих категорий станет его основным объяснительным принципом [Голосенко, 1991].

Сомнения П. Сорокина в правильности применения категории «кризис семьи» вполне понятны, и, на наш взгляд, отражают реальное положение вещей: изменения, замеченные им в начале XX века, продолжали происходить на протяжении всех последующих лет и происходят до сих пор. Но такой долгий период перемен противоречит самому определению «кризиса»: «резкий перелом, тяжёлое переходное состояние» [Большой словарь..., 2003, с. 344]. Так что долговременные исторические изменения в сфере семьи корректнее назвать эволюцией или трансформацией.

Вернёмся в наше время. В России на рубеже веков и в начале нового XXI века стали появляться сообщения в публицистике и затем и в научной литературе о будто бы совсем «новых», дотоле неизученных и «неизвестных» явлениях в сфере частной/приватной жизни. Теперь в СМИ часто обсуждаются темы таких брачно-семейных «бед», как сознательное безбрачие-воздержание («асексуальность»), ранняя сексуальность, подростковая беременность, сознательная бездетность («childfree»), одиночество как стиль жизни, внутрисемейное насилие, насилие над детьми, однополые супружеские союзы (гей- и лесби-), отказы от новорождённых, беспризорные дети... Может быть, эти явления происходили в реальности и раньше, но публикации о них стали возможными в результате социально-правового реформирования в России и «открытия секретных файлов»? Но возможно, что эти явления стали и более частыми в связи с так называемой культурной революцией – всё более ускоряющейся трансформацией (ломкой) культурных норм и ценностей во всех сферах жизни, но особенно – в сфере частной жизни россиян.

Эти и другие явления в частной жизни становятся предметом социологических, демографических, психологических, юридических исследований. Но, по-видимому, из-за идеологического, этического и других аспектов изучение этих феноменов остаётся пока в положении маргинального.

Практически все перечисленные выше изменения, происходящие в брачно-семейных отношениях, в частной жизни россиян (в их «объективных измерениях») – начиная с модели малодетности и дальше – до беспризорности) интерпретируются, понимаются и объясняются современными авторами следующим образом. Эти феномены считаются непосредственно обусловленными сложной социально-экономической ситуацией в России на рубеже XX–

XXI век: экономическим реформированием, бедностью, аноимией, трансформацией ценностно-нормативной системы общества в целом.

Конечно, кризисные ситуации являются ускорителями трансформации во всех сферах общества, и институт семьи – это одна из таких трансформирующихся сфер. Но непонятно, почему же исследователи не вспоминают (не знают?) о горячих научных дискуссиях по поводу сверхнизкой рождаемости в России в 1960–1980 гг., сильной дифференциации рождаемости по регионам России, по республикам Советского Союза, по городскому и сельскому населению и по многим другим социальным характеристикам населения (женщин) (см., например, [Бондарская, 1977; Захаров, 1990]). Стало быть, «кризисное» объяснение социально-демографических тенденций не выявляет существенные источники изменений в сфере брака, семьи и вообще в пространстве частной жизни, происходящих в нашем обществе на протяжении всего XX века (табл. 1.3).

Эти тенденции продолжают и теперь. Но сходные тенденции в этих сферах: откладывание регистрации брака, планирование числа детей и «календаря» их рождения – наблюдались и в середине XX века, и наблюдаются сейчас (в XXI веке) практически во всех европейских, североамериканских странах, в Японии (табл. 1.4).

Таблица 1.3

Долговременная динамика
коэффициента суммарной рождаемости (КСР)
в России и в некоторых странах мира

Годы	Россия	Украина	Велико-британия	Франция	Германия	США	Япония
1896–1900	7,1	7,5	3,6	2,9	5,0	...	...
1926–1930	5,4	5,3	2,0	2,3	2,1	3,3	...
1960	2,6	2,3	2,7	2,7	2,4	3,7	2,2 (1973)
1985	2,1	2,1	1,8	1,8	1,3	1,8	...
1990	1,9	1,9	1,8	1,8	1,5	2,1	...
2000	1,2	1,1	1,7	1,8	1,4	2,1	1,4
2008	1,4	1,3	1,9	2,0	2,0	2,1	1,3

Источники: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998, с. 124; 2008 World Population. Data Sheet. Population Reference Bureau. – Washington, USA, 2008.

**Динамика некоторых характеристик
рождаемости и первого брака в развитых странах
во второй половине XX века**

Страна*	Годы	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)	Средний воз- раст невест при регистрации первого брака	Средний возраст матери при рождении	
				первого ребёнка	всех детей
США	1957	3,77	21,5	22,4	26,4
	2000	2,13	26,0	25,4	27,4
Канада	1959	3,94	22,0	—	27,9
	1997	1,55	28,0	26,9	28,5
Швеция	1966	2,37	23,5	25,3	27,1
	2000	1,54	30,2	27,9	29,9
Германия	1969**	2,21	22,5	24,2	27,0
	1999	1,41	27,3	28,0	28,9
Велико- британия	1971	2,41	22,4	—	26,2
	2000	1,65	27,5	28,5	29,1
Хорватия	1972	1,96	21,4	23,1	25,8
	2000	1,39	25,3	25,5	27,7
Франция	1972	2,41	22,4	24,3	26,9
	1999	1,79	27,5	28,7	29,3
Япония	1973	2,17	24,1	—	27,6
	2000	1,37	27,0	27,9	29,7
Венгрия	1976	2,26	21,2	22,4	25,1
	2000	1,32	24,6	25,1	27,3
Испания	1979	2,37	23,4	24,8	28,3
	1999	1,20	27,7	29,0	30,7
Эстония	1990	2,05	22,4	22,7	25,7
	2000	1,39	24,8	24,0	27,0
Россия	1990	1,89	21,8	22,6	25,2
	2000	1,21	22,8	23,2	25,8
Армения	1992	2,35	21,7	22,3	24,6
	2000	1,11	23,1	23,0	25,0
Украина	1992	1,72	20,6	—	24,6
	2000	1,09	21,4	22,9	25,1

*Страны ранжированы по году начала снижения рождаемости у матерей в возрасте до 20 лет.

**ФРГ.

Источник: [Демографическая модернизация..., 2006, с.140, 145].

Как видно, во многих обществах происходят изменения, схожие с российскими – снижение рождаемости, откладывание регистрации браков (повышение среднего возраста невест при регистрации первого брака). Эти процессы, так же, как и в России, отражают современный этап трансформации институтов брака и семьи. Общества, включая и Россию, вступившие один-два века назад на путь индустриализации, экономического развития, рационального мышления, детоцентризма, отличаются лишь исторической длительностью трансформационных/модернизационных процессов в сфере частной жизни (историческим временем начала изменений); интенсивностью протекания их в XX веке; глубиной проникновения в культуру; участием государства в регулировании, контроле институциональных функций семьи и поддержке взрослых людей и детей, попавших в трудные жизненные условия.

Различаются и подходы к интерпретации изменений в сфере семьи – научные, политические, идеологические. Так же, как и российские учёные, зарубежные авторы-исследователи ведут дискуссию о процессах, тенденциях в сфере брака и семьи, их объяснениях и интерпретациях. Во многих обществах также распространяются феномены низкой рождаемости, большой частоты внебрачных рождений, разводов, социального сиротства (вследствие многих причин, в том числе и в России – отобрания детей у родителей, лишённых родительских прав), но и распространение приёмных семей. Одни аналитики видят в этих явлениях доказательства кризиса институтов моногамного брака, семьи [Карлсон, 2003; Попеное, 1996], другие рассматривают происходящие процессы как свидетельства их трансформации [Черлин, 1996], появление «новой» семьи [Silva, Smart, 2000].

Практически все исследователи семьи приводят данные социологических опросов о стабильно высоком месте ценности семьи, счастливого брака [Мацковский, Олсон, 1995] в индивидуальной ценностной структуре. Но, как верно отмечает Б.В. Дубин, «Семья – ценность “общепризнанная”, никого в отдельности не характеризующая; она – не предмет индивидуального или группового выбора, а общая черта социального уклада, может быть, отдельной эпохи в жизни общества» [Дубин, 1995, с. 24–27]. А вот какая это семья, из кого она состоит, какие в ней взаимоотношения – у каждого человека складывается по-разному.

Каждый человек в своей жизни является субъектом тех или иных взаимодействий, отношений, которые происходят в его част-

ной/личной жизни. Это, прежде всего, первичные, «детские» отношения – взаимодействия с родителями, прародителями, братьями, сёстрами, родственниками – по семье происхождения. Затем в юности, в молодости – с подругами, друзьями, партнёрами по интимным, любовным отношениям; в зрелом возрасте – с брачным партнёром, с ребёнком/детьми, с родственниками, свойственниками – по отношениям свойства со стороны родительской (своей по происхождению) семьи и с родственниками-свойственниками со стороны брачного партнёра.

Эти отношения/взаимодействия в реальности определяются характером, содержанием семейных личностных ролей, типом поведения индивидов в частной жизни. Но взаимодействия людей в этих группах, называемых семьями, супружескими парами, другими формами организации частной жизни (сожительство, партнёрство, союз) имеют институциональный характер, так как происходят в рамках определённых, устоявшихся (или устанавливающихся на наших глазах), ставших привычными (и становящихся привычными здесь и сейчас) правил поведения и повседневных практик – на основе принятых в обществе норм и санкций [Бергер, Лукман, 1995]. Между тем и возрастающее значение сексуальных, интимных отношений, анализ их исторических истоков, современное «опривычивание» всё чаще становятся предметом осмысления и переосмысления философов и социологов (см., например, [Фромм, 1990; Райх, 1997; Гидденс, 2004; Фуко, 2004; Голод, 1996]).

Важно подчеркнуть, что в основе нормативно-ценностной системы (структуры) брачно-семейных отношений/взаимодействия женщин, мужчин, детей, пожилых людей в семье, в частной жизни лежит, прежде всего, *биологически обусловленное* разделение труда в сфере воспроизводства человеческой жизни и на его основе – длительное *культурно-историческое* конструирование гендерных, супружеских, родительских, возрастных норм, ролей, ценностей, представлений. К сожалению, объяснения, интерпретации стремительных изменений в последние десятилетия в России этих «субъективных измерений» в сфере частной жизни обычно сводятся к их обусловленности экономическими проблемами в стране, бедностью значительной части семей, особенно молодых, современными кризисами в российском обществе, «выходом» женщин из семьи в публичную сферу (образования, производства, предпринимательства).

Такие объяснения не вполне убедительны по следующим причинам:

– во-первых, в России и раньше – в 60-е, 70-е и 80-е годы XX века – экономическая ситуация не являлась кризисной, но реальность частной жизни была аналогичной нынешней (высокая разводимость, низкая рождаемость и т.п.);

– во-вторых, в российском обществе на протяжении жизни уже четырёх поколений занятость женщин в общественном производстве была практически всеобщей, так что процесс трансформации ценностно-нормативной гендерной, брачной, репродуктивной систем был «запущен» не экономическими преобразованиями 1990-х годов, а происходил на протяжении всего XX века, а, возможно, и ещё раньше;

– в-третьих, как уже было отмечено, во многих европейских и иных вполне «социальных» государствах наблюдаются схожие с российскими тенденции в направлениях векторов «субъективных измерений» брачных, семейных и других отношений в сфере частной жизни.

Итак, вопрос об общих сущностных причинах изменений ценностной системы, социальных норм, определяющих брачные, семейные, родительские, гендерные отношения людей, остаётся открытым.

Таким образом, представляется весьма актуальной в научном и практическом отношении задача изучения, научного понимания, объяснения¹, интерпретации процессов, происходящих в сфере семьи. Решение этой задачи позволит конструктивно подойти к рассмотрению проблем *необходимости и возможности* регулирования, управления этими процессами (в сфере брака, семьи, рождаемости, вообще – в сфере частной жизни), как на уровне общества и его органов управления, так и на микроуровне (в индивидуальных, внутрисемейных отношениях).

Научная проблема, рассматриваемая в данной работе, состоит в несоответствии между декларируемой «потребностью общества» в стабильной семье как институте возобновления поколений в условиях высокой динамичности трансформации этого института и недостаточной разработанностью концептуальных основ социального механизма трансформации брачно-семейных отношений и в целом – социальных процессов в сфере частной жизни.

---

¹Здесь я пока не останавливаюсь подробно на рассмотрении дилеммы *понимания и объяснения* социальных фактов. Между тем этот вопрос, конечно, имеет важное методологическое значение при интеграции объективистских и субъективистских подходов (см.: [Батыгин, 1986, с. 145–206]).

Поскольку главной (институционализирующей) функцией брака и семьи являются рождение и воспитание (первичная социализация) потомства, то и разрабатываемый в данной работе подход к решению этой проблемы предполагает взаимосвязанный анализ двух структур:

– макроуровневых структур развития/состояния демографической сферы общества: структурных, надындивидуальных, т.е. внешних по отношению к индивиду, объективных;

– микроуровневых отношений и практик в семье, в сфере частной жизни: поведенческих, индивидуальных/групповых, субъективных.

1.2. Основные понятия и задачи изучения трансформации семейных отношений

Семья, брак, супруги, родители, дети – понятия, смысл которых ясен всем. Изучение этих феноменов ведётся множеством дисциплин и отраслей знания, как общественных, так и естественнонаучных. Поэтому для этих понятий нет «устоявшихся» «точных» определений; в каждой дисциплине они даются в соответствии с исследовательскими целями и научными притязаниями.

Не углубляясь в «дискуссии о терминах», основные понятия необходимо определить для отграничения объекта изучения. Важно отметить при этом, что в определениях семьи, брака и взаимодействиях индивидов в их рамках обязательно подчёркивается социальная, культурологическая обусловленность всех изменений, происходящих с этими институтами, группами, агентами/актерами. Так что каждое из всех нижеприведённых понятий необходимо и возможно рассматривать на двух уровнях: как институциональное (надындивидуальное) целое и как сложные субъективно-личностные отношения и практики. Эти «двойственные» определения не противопоставляются, а являются, по существу, дополняющими друг друга.

Под *браком* в данной работе понимается союз двух взрослых людей разного пола, получивший общественное признание и одобрение. Брак как социальный институт – это совокупность социальных норм, санкционирующих взаимоотношения полов (мужчины и женщины) и тем самым регулирующих воспроизводство потомства ([см., например, [Энгельс, 1978]). Институциональная функция бра-

ка – удовлетворение потребности общества в продолжении человеческого рода, «производстве самого человека», т.е. рождении детей.

Брачные отношения – определённая устойчивая система социальных отношений двух взрослых людей разного пола, сложившихся в процессе их взаимодействия друг с другом по поводу рождения детей в условиях данного общества.

Родственные отношения – определённая устойчивая система социальных отношений, возникающих при образовании брачного союза, либо являющихся следствием кровной связи между людьми (матери, отцы, братья, сёстры, дети и т.д.). Индивиды, образовавшие брачный или супружеский союз, становятся родственниками друг другу.

Под *супружескими отношениями* в данной работе понимается определённая устойчивая система социальных (включая интимные) отношений двух и/или более взрослых людей, сложившихся в результате их взаимодействия друг с другом в процессе совместной жизни в условиях данного общества. Институциональный характер супружества основан на привычных нормативных практиках личностного, интимного, сексуального взаимодействия взрослых людей¹, имеющих или не имеющих репродуктивных намерений². В рамках супружеских отношений институционализируются не только интимные и сексуальные, но и другие привычные практики: хозяйственные, бытовые, досуговые.

Родительство – социальный институт, представляющий собой совокупность норм, определяющих социальные (и биологические) отношения родителей с их ребёнком/детьми: правовые, воспитательные, опекунские – в условиях данного общества.

Материнство и *отцовство* являются субинститутами родительства. Для разграничения понятий «родительство», «материнство» и «отцовство» важно иметь в виду, что понятие «родительство» является надындивидуальным целым, выходящим за рамки индивида, в то время как «материнство» и «отцовство» – касаются и спе-

---

¹ Следует отметить, что по вопросу институциональности супружества также нет общепринятых определений у исследователей. Так, С.И. Голод практически во всех своих работах подчёркивает неинституциональный характер супружества. Другие же авторы пишут о супружестве, как о субинституте семьи. (См., например, [Исаев, 2008, с.102–104]: «Как в исторически наименее стереотипизированном образовании, в «супружеской семье» есть уникальные возможности для отхода от доминирования одного из членов семьи».)

² При наличии репродуктивных намерений и их «эффективных» исходов такие отношения определяются как брачные.

цифических совокупностей норм того и другого субинститута, и отдельных индивидов (матери и отца) по поводу их личностных отношений с детьми (см., например, [Кон, 1987; Овчарова, 2006]).

Под *семьей* в работе понимается группа людей, связанных прямыми родственными отношениями (брака, супружества, родительства, родства), взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми и за недееспособными родственниками. Семья как социальный институт представляет собой совокупность исторически сложившихся устойчивых социальных норм, санкций и образцов поведения, регламентирующих отношения между супругами, родителями и детьми, другими родственниками.

У *семьи* круг институциональных функций шире по сравнению с *браком*:

– продолжение человеческого рода – «производство самого человека»: рождение детей и уход за ними (данная функция частично совпадает с функцией брака), материальная поддержка и уход за несамостоятельными родными взрослыми членами семейства (родственниками/свойственниками);

– сохранения и передачи из поколения в поколение правил, норм и ценностей, принятых в данном обществе (первичная социализация);

– организация совместной частной жизни – хозяйственные, бытовые, досуговые, интимные и другие отношения.

Под *семейными отношениями* в данной работе понимается определённая устойчивая система социальных отношений родственников/свойственников как членов малой социальной группы. Семейные отношения частично совпадают с родственными, но чаще характеризуют социальные отношения людей родственников/свойственников, проживающих совместно.

Сфера частной (приватной) жизни – пространство семьи¹, семейных, супружеских, родственных отношений, отношений с детьми² (в противопоставление публичной сфере – институтов

---

¹ См., например: Тартаковская И.Н. Приватная сфера и гендерные отношения в семье. Лекция 10. С. 189–208. В кн. [Тартаковская, 2005]. Несколько иное понимание встречается в статьях А.Г. Левинсона, который большее внимание придает дихотомии «государственное – гражданское», но не «публичное – частное (интимное)» – см. [Левинсон, 2009].

² К сфере частной жизни относится и религиозная жизнь, которая в наше время всё в меньшей степени связана с участием в публичных богослужениях и является делом уединённой молитвы или частных убеждений. Однако этот аспект приватной жизни не входит в исследовательский круг данной работы.

государства, экономики, политики, СМИ, пространства общественных мест: парков, школ, кафе и пр.¹). Следует отметить, что сторонники феминистских теорий широко используют категорию «приватная сфера»; они считают, что разделение реальности на приватную и публичную сферы, типичное для современной повседневной жизни, является структурным основанием гендерных отношений (см., например, [Эльштайн, 2000, с. 64–68]).

Очевидно, что приведённые определения основных понятий имеют дискуссионный характер, но при их формулировании была предпринята попытка кратко, более или менее полно и точно отразить их соответствие сегодняшней реальности, подчёркивая тем самым динамичность их форм, социальную обусловленность, эволюционный характер перемен.

Теоретическим объектом нашего исследования являются современные трансформационные процессы в социальных институтах сферы частной жизни: брака, семьи, супружества, родительства.

Предмет исследования – социальный механизм взаимодействия процессов трансформации институтов сферы частной (приватной) жизни и демографического развития общества.

Цель исследования – разработка теоретико-методологических основ интегрального подхода к изучению современных процессов в социальном пространстве брака, семьи, частной жизни и проверка истинности этих теоретических положений (их верификация) на историческом и современном статистическом и социологическом материалах.

Свойство «интегральности» в данном случае отражает две вещи (имеет двойной смысл):

– во-первых – это трансдисциплинарность исследования в смысле Н. Лумана² плюс метапарадигмальность в смысле П. Бур-

---

¹ См., например, [Сеннет, 2002].

² Н. Луман в статье о понятии риска пишет, что «есть области исследования, которые можно обозначить как «трансдисциплинарные» отрасли знания (например, кибернетика, теория систем)». Исследования риска он рассматривал ещё одной такой областью [Луман, 1994, с. 138]. По-видимому, исследования брака и семьи также можно считать «трансдисциплинарной» отраслью знания: эти институты являются объектом изучения социологии семьи, социологии молодёжи, экономической социологии, демографии, экономики, психологии, психиатрии, сексологии, медицины, педагогики и других наук.

дьё, Э. Гидденса, Дж. Ритцера¹, Р. Коннелла [Коннелл, 2000], В. Ядова [Ядов, 2006] и др.;

– во-вторых – это возможность перемирия в войне «парадигм», т.е. стремление если и не преодолеть теоретические расхождения исследовательских концепций в отечественной социологии семьи, то хотя бы попытаться изучить свой объект с учётом разных позиций и показать их непротиворечивость, не альтернативность, но онтологическую² общность.

Важнейшее понятие в работе – «социальный механизм». Эта категория (социальный механизм того или иного общественного процесса) рассматривается практически во всех современных социальных исследованиях. Т.И. Заславская отмечает, что «изучение социальных механизмов является одним из наиболее актуальных направлений этих исследований» [Заславская, 2004, с. 198]. По определению Т.И. Заславской социальный механизм представляет собой «систему социальных взаимодействий субъектов, включённую в рамки системы ограничений, свойственной данному обществу и, в свою очередь, их изменяющую» [Там же, с.189].

Эта категория (социальный механизм) применительно к современным трансформационным процессам в широком круге социальных сфер российского общества довольно досконально разработана в рамках исследований Новосибирской экономико-социологической школы (см., например, [Россия..., 2003]). Исследовать социальный механизм – значит, представить процесс как некоторую целостность, охватывающую и устойчивые структурные воздействия, и индивидуальные/групповые действия, отношения. Если следовать определению социального механизма Т.И. Заславской [Там же, с. 93–109]³, то изучение социального механизма трансформации брачно-семейных отношений и в целом – социальных процессов в сфере частной жизни – заключается в

---

¹ Обзор метатеорий в социологии см., например, в работе [Ритцер, 2002, с. 477–482, 562–569].

² Онтологические принципы, на которые опирается социология семьи, определяют, какова сущность описываемой реальности. («Онтология – раздел философии или метафизики, в рамках которого рассматриваются вопросы бытия (existence). Онтологические положения – это сущностные допущения, лежащие в основе теорий о возможности бытия различного рода объектов (entities)» [Аберкромби и др. 2004, с. 305]).

³ Гл. 6. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России. Т.И. Заславская, с. 93–109.

том, чтобы показать, каким образом действия социальных акторов микроуровня (*индивидов, групп* – А. М.) меняют макрохарактеристики институтов брака и семьи в обществе, и как изменение этих характеристик, в свою очередь, воздействует на жизнь и деятельность микроакторов, т.е. индивидов, супружеских пар, семей/домохозяйств.

Следует отметить здесь, что теоретические подходы, а также аналитические схемы и блоки механизма трансформационного процесса, разработанные учёными Новосибирской экономико-социологической школы, были нацелены на исследование трансформационной ситуации, главным образом в экономическом, политическом и других публичных полях, наблюдавшейся в России в последние десятилетия XX века и на рубеже XX и XXI веков [Россия..., 2003, с. 153–164, 193–222]¹. Между тем в сфере частной жизни трансформационные процессы, так же как и модернизация демографической сферы в целом, происходили в России (и в СССР) на протяжении всего XX века. А начались эти трансформации, возможно, ещё и в XIX веке [Демографическая модернизация..., 2006]. Так что использование аналитических схем, разработанных экономсоциологами в поле публичной сферы, при построении теории социальных механизмов трансформации сферы частной жизни возможно лишь в самых общих чертах. Причина здесь не только в значительно более длительном периоде трансформаций в сфере брака, семьи, населения, но и в специфической природе процессов, происходящих в приватной сфере. А именно – то, что происходящие в ней процессы, скорее всего, не всегда и не столь однозначно (по сравнению с процессами в публичной сфере) обусловлены экономическими, политическими и другими факторами.

Основная теоретическая гипотеза нашего исследования состоит в том, что институциональные трансформации в сфере частной жизни (брачных, семейных, детско-родительских отношений, сексуальных/интимных) детерминируются исторически обусловленным состоянием демографической сферы общества (режимом воспроизводства населения). В современных условиях трансформационные процессы в сфере частной жизни и семей-

---

¹ Гл. 9. Социальный механизм институционализации неправовых практик. Т.И. Заславская, М.А. Шабанова, с. 153–164; гл. 11. Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики. З.И. Калугина, с. 193–222 и др.

ных отношений в российском обществе можно охарактеризовать как глобальные и, по-видимому, необратимые.

В связи с этим предполагается рассмотреть следующие задачи, первые две из которых имеют теоретическую направленность, а две последующие нацелены на верификацию теоретических положений исследования:

- Рассмотреть и проанализировать существующие теоретические подходы к изучению современного состояния институтов брака и семьи с позиции возможностей интеграции макро- и микросоциологических дискурсов (а также с точки зрения понимания и интерпретации современных процессов в сфере частной жизни).

- Разработать теоретическое представление о механизме взаимодействия трансформации институтов сферы частной жизни (брака, супружества, семьи, родительства, интимности, домохозяйства) и демографической сферы общества (численности населения, режима его воспроизводства) с позиций преодоления дилемм структуры и действия, макро- и микро, объективистских и субъективистских подходов.

- Рассмотреть и проанализировать историю/генезис формирования социальной структуры¹ демографической сферы общества как объективной предпосылки трансформации институтов сферы частной жизни, опираясь на теории и идеи о соотношении численности населения и социального развития обществ (Конфуция, Ж. Кондорсэ, Т. Мальтуса и др.), а также концепции «оптимума населения» (А. Сови), глобального демографического взрыва/перехода (В.И. Вернадского, «Римского клуба», С.П. Капицы).

- Проанализировать, дать интерпретацию и объяснить современные процессы в сфере семьи, брака, вообще – в сфере частной жизни с использованием методологии разработанного нами подхода в рамках парадигмы генетического структурализма.

---

¹ «Социальная структура – очень важная социологическая категория, одна из тех, которые часто используются в социологии, но редко обстоятельно обсуждаются... Обычные, устоявшиеся, упорядоченные модели, образцы взаимодействия между индивидами или группами» [Гидденс, 2005, с. 19, 617].

Глава 2

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СЕМЬИ: ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ МАКРО- И МИКРОДИЛЕММЫ В СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ

2.1. Междисциплинарность изучения семьи – формальная и реальная

Брак, семья, домохозяйство являются феноменами сферы частной жизни общества. Эти институты, а также взаимодействия, взаимоотношения включённых в них индивидов, являются объектом изучения многих социальных дисциплин. Это и философия, и антропология, и этнография, и экономика, и история, – исследующие возникновение этих институтов, системы родства, уклады семейной жизни, семейные обряды, обычаи, ритуалы в различных обществах, странах, а также и их изменения с прошлых времен до наших дней (см., например, [Рассел, 2004; Мэрдок, 2003; Пушкарёва, 1997; Беккер, 1994, 2003; Миронов, 2000; Муравьева, 2001]). Это и семейное право, и экономика домохозяйства, и социальная психология, и социальная педагогика, и социальная работа, изучающие узаконение семейных отношений, деятельность семьи/домохозяйства в сфере производства, потребления, быта, доходных и расходных бюджетов, специфику поведения супругов (взрослых членов семьи), поведения детей и родителей, организацию помощи семьям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях и т.д.

Две дисциплины – социологию семьи и демографию – можно считать первостепенными в исследованиях институциональных трансформаций брака и семьи, поскольку физическое воспроизводство новых поколений и их первичная социализация является институциональной сущностью семьи; состояние и динамика в этих сферах сказывается и на переменах во внутрисемейных структурах-отношениях. Сущностная близость этих дисциплин следует из определения их предметов изучения:

– в рамках демографии изучаются закономерности формирования численности и состава населения – как результатов рождений и смертей, динамика показателей интенсивности этих событий во времени и в разных обществах;

– предметом социологии семьи является социальная обусловленность явлений, происходящих в сфере семьи, брака – на ин-

ституциональном ли уровне или на уровне индивидуальной брачной, супружеской, семейной жизни людей.

Социология семьи изучает социальную обусловленность таких событий в жизни людей, как образование супружеской или брачной пары, рождения у неё детей, отношение к детям, уход за ними, внимание и забота о здоровье своём и членов семьи, сохранения здоровья и жизни (своих и детей), и вообще – сохранения своей семьи. Вместе с тем числа событий – браков, рождений, разводов, смертей как результаты (демографического) поведения людей в частной сфере – в конце концов, оказываются теми статистическими (макроуровневыми) показателями, которые характеризуют состояния демографической сферы общества (демографическую ситуацию): численность населения, его состав по полу, возрасту, состоянию в браке, семейному и брачному положению, показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости и др. Но именно эти характеристики и закономерности их формирования (роста, снижения) являются предметом изучения демографии¹.

Изменения, происходящие в институтах брака, семьи, были объектом социологического изучения практически на протяжении всего XX века зарубежной и отечественной науки.

Обширный обзор социологических исследований семьи зарубежными и российскими учёными содержатся в работах В.Б. Голофаства, А.Г. Харчева, З.А. Янковой, Н.М. Римашевской, М.С. Мацковского, А.Г. Антонова, С.И. Голода, Т.А. Гурко и др. [Голофаст, 1974, 2006; Харчев, 2003; Янкова, 1979; Окно..., 1999; Мацковский, 1989; Антонов, 1980; Голод, 1984, 1998; Гурко, 2008]. И практически в каждой обзорно-аналитической работе, в выводах эмпирических исследований констатируется, что с семьёй, как социальным феноменом, происходят кардинальные изменения, в основании которых лежит трансформация брачных, семейных ценностей, ценностей детей/ребёнка, а также – социальных норм, ориентаций, представлений.

В работах демографов А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, Г.А. Бондарской, Л.Е. Дарского, С.В. Захарова, М.С.Тольца, А.А. Авдеева, О.Д. Захаровой, В.А. Борисова и А.Б. Синельникова также исследуются и объясняются закономерности социально

---

¹ Предмет демографии (в его узком и широком понимании) как одной из социальных наук обсуждается многими исследователями (см., например, [Волков, Вишневский, 1983; Корель, 2005]).

демографических изменений в обществе [Вишневецкий, 2005(б); Волков, 1999(б); Бондарская, 1999, Дарский, 1972, 1995; Захаров, 2007; Тольц, 1986; Авдеев, 1998; Захарова, 1999; Борисов, Синельников, 1995]. При этом исследователи-демографы также апеллируют к процессам трансформации в сфере брака и семьи и объясняют демографические тренды изменениями брачных, репродуктивных норм, ценностей, ориентаций.

Как видно, практически во всех исследованиях, перечисленных выше, а также и в работах в рамках многих других научных дисциплин, изучающих семью XX – начала XXI века, источником (главной идеей) теоретических схем, объясняющих изменения семейных укладов, семейных отношений, функций семьи, числа детей, форм семьи служат довольно схожие утверждения-констатации о том, что эти изменения происходят в результате неких перемен-трансформаций ценностно-нормативной системы общества/группы/личности. Вот в этом сходстве объяснительных схем (и их концептуальных составных частей) в разных науках о семье, по-видимому, и проявляется междисциплинарность¹ исследований семьи. Но такая – результирующая – междисциплинарность имеет формальный характер, поскольку в интегральном, целостном знании о семье, её трансформациях и их причинах обобщаются те результаты и выводы, которые были ранее получены и накоплены в разных (отдельных) научных дисциплинах о семье.

Проблему (онтологическую) интеграции именно социологического и демографического подходов, как глубоко существенных в исследованиях семьи, поставил К. Дэвис в статье «Социология демографического поведения». В этой работе отмечалась необходимость расширения специализации научных исследований, охватывающих весьма близкие предметные области. К. Дэвис выделяет четыре направления исследований, сочетающие демографический и социологический подходы [Дэвис, 1965, с. 349]:

- 1) изучение рождаемости во взаимосвязи с установками и социальными институтами (в индустриальных и развивающихся обществах);
- 2) анализ изменений численности населения в зависимости от социальных и экономических изменений;

---

¹ Наиболее общее определение междисциплинарности: под междисциплинарным подходом к изучению определённого объекта понимается взаимодействие нескольких научных дисциплин при изучении данного объекта (см., например, [Мирский, 1980]).

- 3) изучение соотношения контингента рабочей силы с составом населения и социальной организацией общества;
- 4) исследование семьи с точки зрения демографии.

Выделение этих четырёх областей автор объясняет рядом общих черт, но наиболее важными он считает, во-первых, то, что эти направления исследований «включают в себя сравнительный анализ различных обществ – в историческом плане, на современном этапе или же комбинированно. Все они имеют дело с двусторонним отношением между населением и социальной структурой; все они принимают во внимание мотивации и установки и, тем не менее, допускают использование демографических методов как одной из важнейших составных частей научного анализа» [Дэвис, 1965]. Так что тогда уже (в 1950-е годы) было понятно, что изучение вопросов рождаемости, как предмет демографии, более успешно может сочетаться с социологическим изучением мнений, ориентаций, установок относительно числа детей, и других аспектов жизнедеятельности семьи. И наоборот, социологи, разрабатывающие теорию семьи, могли бы успешно пользоваться материалами, предоставленными в их распоряжение демографией и статистикой [Там же, с. 371]¹.

В последующие годы – 1960-е, 1970-е, 1980-е и до настоящего времени – именно в этих направлениях шли демографо-социологические исследования репродуктивного поведения женщин. Основной целью этих исследований было и есть изучение детерминации рождаемости, которая проявляла устойчивую тенденцию к снижению. Кроме того, у демографов были и специфические цели – выяснение будущих тенденций рождаемости для проведения перспективных (прогнозных) расчётов численности населения.

Схожие тенденции во многих странах (СССР², США, европейских, а затем и азиатских) стимулировали демографов на про-

---

¹ Отметим, что далее в тексте автор делает критические замечания в адрес Т. Парсонса и П. Глика (демографа). Первый при разработке теории устойчивой семьи и распределении ролей между полами не воспользовался демографическими данными (о высокой экономической занятости женщин уже в то время), а второй – «даже не упоминает в своей работе «Американская семья» о Парсонсе. Как будто оба эти автора не принадлежат к одной и той же профессиональной группе и не имеют дело с одним и тем же социальным явлением – американской семьёй!».

² Обзор советских обследований репродуктивного поведения женщин см. Захарова О.Д. Исследования демографических процессов и детерминации рождаемости (Глава 20) в кн. [Социология..., 1998, с. 392–414]; а также [Сколько детей..., 1977].

ведение крупномасштабных обследований, нацеленных на выявление «мнений о величине семьи (числе детей)»¹. И социологи в своих работах по проблемам брака, семьи, разводов² также приводят многочисленные демографические данные, свидетельствующие о снижении числа детей в семье и числа вступающих в брак, о повышении возрастов вступающих в брак, а также о повышении числа разводов и росте окончательного безбрачия.

Как видно, дилемма специализации двух наук – социологии семьи и демографии, о которой писал К. Дэвис, нашла своё разрешение в современных исследованиях. Однако, как мне представляется, междисциплинарность большинства таких работ имеет по-прежнему *формальный* характер, поскольку в них предполагается использование материалов/результатов смежных наук, «накладывание» их на изучаемые структуры – население или институции брака, семьи, родительства и др.

Если же говорить о *реальной* междисциплинарности, то она предполагает изучение целостного гомогенного (однородного) объекта – отношения людей в сфере частной жизни – на предмет его онтологической (сущностной) взаимосвязи с процессами в демографической сфере общества.

Необходимость выделения целостного объекта обусловлена тем, что брак и семья по сути своей исторически являются институтами возобновления поколений. Цель настоящей работы как раз и состоит в попытке построения такого целостного представления, конструировании исходной теоретической модели этого взаимодействия. Формирование структуры такого взаимодействия в идеале не ограничивается просто использованием или «накладыванием» на знания одной науки (социологии семьи) демографических или других материалов, полученных в ходе «параллельных» изучений в смежных науках, а заключается в построении и анализе гомогенного объекта исследования, который интегрирует рамки социологических и демографических знаний. Изучение этого объекта ориентировано на получение знания в интересах предметного развития социологической науки, так как

---

¹ Обзор зарубежных исследований демографо-социологических исследований (репродуктивной мотивации) см., например: [Изучение..., 1971; Антонов. 1980; Как изучают рождаемость..., 1983].

² Систематизированный обзор социологических исследований советской семьи см, например: [Мацковский, 1989].

речь идет не о демографических закономерностях, а именно о трансформациях в одной из важнейших социальных структур – сфере частной жизни. Но поскольку в частной жизни происходят события, которые изменяют состояние демографической сферы общества, то имеет смысл рассмотреть социологические подходы к изучению населения.

2.2. О социальной морфологии (к истории взаимосвязи социологического и демографического анализа)

Вопрос о возможности, целесообразности и необходимости взаимосвязанного социологического и демографического анализа неоднократно поднимался обществоведами как одной, так и другой специализации, т.е. и социологами, и демографами. Обращения к численности населения, к событиям, которые формируют эту численность (рождениям и смертям), к семье – были известны и в древней Греции – у Платона и Аристотеля, и у других античных и средневековых философов, т.е. задолго до появления научной социологии – изучения социальных явлений на основе полученных, проанализированных, интерпретированных количественных (или качественных) данных (см., например, [Батыгин, 1986; Шляпентох, 1970]).

Первой количественной информацией были данные о населении: основатель демографии Дж. Граунт провёл, по-видимому, первый эмпирический социологический анализ, результаты которого были опубликованы в 1662 г. под названием «Естественные и политические наблюдения по поводу данных о смертности» [Шелестов, 1983]. Дж. Граунт и его друг В. Петти использовали статистику для разнообразных расчётов, характеризующих социальную жизнь: социальный состав населения (по количеству дымовых труб в доме как показателю благосостояния), гибель 616 тыс. человек во время ирландского восстания (1641–1652 гг.) рост населения Лондона и др.¹

---

¹ В истории науки эта эпоха получила название «социальной физики», поскольку анализом социальных явлений занимались учёные-естествоиспытатели. Так, английский астроном Халли Галлей развил опыт Дж.Граунта для построения таблиц смертности – ввёл понятие вероятной продолжительности жизни гипотезу «стационарного населения».

Как социальный статистик известен и бельгиец А. Кетле, под руководством которого была проведена перепись населения в Бельгии в 1846 г., ставшая как бы поворотным пунктом в переходе к переписям населения в их современном понимании¹. С начала XIX века в Западной Европе стали проводиться регулярные переписи населения; они учитывали не только общедемографические характеристики, но и грамотность, образование, миграции (особенно иммиграции в США), а также такие социально-экономические характеристики, как занятие, профессия и др. На основе этих данных зарождался эмпирический социологический анализ.

Основоположники социологии (позитивисты) О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм обращались к демографическим аспектам развития общества, придавая большое значение росту численности и плотности населения в социальном прогрессе². В XIX веке в определённой степени этому способствовало широкое распространение теории населения Мальтуса и дискуссии, которые она вызвала. Ранние позитивисты считали демографический фактор вторичным, внешним по отношению к главному, первичному — развитию общества: это «человеческий дух» (по О. Конту), борьба за существование (по Г. Спенсеру), разделение общественного труда (по Э. Дюркгейму).

В XX веке отношение обществоведов-социологов к фактору населения стало ещё более внимательным. Одна из самых заметных социологических мастерски выполненных работ «Новые общественные тенденции» (1933 г.) [Recent..., 1933], автором которой были многие лучшие американские социологи, начинается со слов, написанных демографами Томпсоном и Уилптоном: «Люди (человеческие существа) представляют собой главнейший фактор социальных изменений. Темпы роста населения, его географическое распределение и количественные соотношения между городскими и сельскими поселениями, а также расовые и национальные корни, из которых оно происходит, тенденции в соотношении-

---

¹ Первая перепись населения была проведена во Франции в конце XVII века (1687 г.).

² В этом разделе рассматривается внимание именно социологов к демографическим аспектам социальной жизни. А поскольку становление социологии как науки относится к XIX веку, то и рассмотрение временного исторического интервала здесь начинается с этого времени. Более подробно продолжительная история философских, экономических взглядов на соотношение развития общества и его населения (демографической сферы) будет рассмотрена ниже.

ях возрастных категорий, соотношения численностей полов и состояние брачных отношений – всё это позволяет определить скорость и направления прошлых и будущих изменений. Исследования последних социальных изменений в США целесообразно начинать с основных факторов рождений, смертей и числа живущих. Располагая этими данными, мы можем лучше понять изменения в способах зарабатывания на жизнь, ценности, которых они придерживаются, критику в свой адрес, их страхи и надежды относительно будущего» [Там же]. Здесь ясно просматривается усиление внимания к демографической сфере в обществе, переживающем экономический кризис.

Население, его численность и состав, или как теперь говорят – демографическая ситуация, стали неперемными «начальными» условиями практически всех социальных исследований. В начале XX века (1909 г.) Э. Дюркгейм, рассуждая о двух важнейших разновидностях «социальных фактов», выделяет «социально-морфологические факты» и «коллективные представления».

Рассматривая *социально-морфологические факты*, он пишет: «Прежде всего, уместно исследовать общество в его внешнем аспекте. Под этим углом зрения оно выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определённым образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т.д. Это территория, её размеры, конфигурация, состав передвигающегося по ней населения – все это, естественно, важные факторы социальной жизни...» [Дюркгейм, 1995]. «Социальные факты» такого рода – объективная надындивидуальная макроуровневая реальность, т.е. общество, существующее вне индивидов.

Таким образом, Э. Дюркгейм, называя эти явления социально-морфологическими фактами, относит к ним весь комплекс структурно-вещественных (материальных) компонент социальной жизни: демографические параметры (рождаемость, смертность, половозрастная структура), миграционные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, частота социальных контактов [Дюркгейм, 1995, с. 275]. Методологически это означает, что те «социальные факты», которые отражены в материалах демографической статистики, в данных переписей населения, можно «рассматривать как вещи», изучать и анализировать математическими методами, выявлять устойчивые причинно-следственные связи и закономерности их изменений.

Э. Дюркгейм считает, что социальная морфология как наука не должна ограничиваться описательным анализом, «она должна заниматься также и объяснением». В своей работе «Самоубийство» он досконально анализирует взаимосвязи поведения (девиантного) людей с их социальным статусом – полом, возрастом, брачным и семейным положением; причём анализ ведётся на основе данных региональной и городской статистики.

К другой разновидности социальных фактов Дюркгейм относит «коллективные представления», т.е. факты особого рода, как бы «духовное» измерение общества, которое складывается из ментально-психологических фактов. Он пишет, что в любом обществе «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т.п. Все эти явления психологического порядка, но они не относятся к индивидуальной психологии, поскольку выходят далеко за пределы индивида» [Дюркгейм, 1995, с. 190].

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть положение Дюркгейма о том, что люди, хотя и имеют определённые убеждения, некие жизненные позиции, суждения и т.п., но они не сами «творят» эти культурные формы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли» [Батыгин, Подвойский, 2007, с. 178]. Эта идея, по существу, впоследствии станет ключевой для структурализма как междисциплинарной исследовательской ориентации.

Междисциплинарный социолого-демографический анализ содержится и в трудах ученика и последователя Э. Дюркгейма Мориса Хальбвакса (1877–1945). Он, так же как и другие представители французской социологической школы, в своих исследованиях социальной реальности придавал «особое значение тому, что в обществе приобретает физический характер: площадь, численность населения, плотность, движение, количественные аспекты, т.е. то, что можно измерить и сосчитать» (цит. по: [Stoetzel, 2006]).

В статье «Браки во Франции во время и после войны» (1935 г.) М. Хальбвакс на основе статистических материалов проанализировал особенности формирования брачных пар в условиях нарушения пропорций населения по полу и возрастным груп-

пам. Но, как социолог, говоря об объективных причинах изменений вероятностей вступления в брак, он пишет о субъективном факторе «стремление к браку», понимая его как некоторую социально-психологическую константу: «Именно социальному организму свойственно делать более прочными изменения, которые приняли истинно коллективную форму. Так, поверх индивидуальных усилий и стремлений существует как бы коллективный брачный марш, смысл и ритм которого регулируется развитием общества» [Хальбвакс, 2000(а)]. Эта его статья и ряд других¹ указывают на актуальность для него использования статистических материалов в социологии как основания объективности социального факта. Вместе с тем М. Хальбвакс подчёркивает, что для установления значимых социальных отношений и их интерпретации недостаточно суммы индивидуальных случаев. Он предлагает следующую последовательность шагов для социологического синтеза единичных фактов:

- 1) фиксация единичных фактов путём непрерывного наблюдения;
- 2) помещение их в социальные единства (институты, группы, представления, склонности);
- 3) помещение этих единств в более обширные единства (общества).

В результате, статистический материал может объяснить/описать социально-значимые отношения, т.е. интерпретировать индивидуальные или групповые явления (феномены), в основе которых может быть субъективность. Этот логический поворот отражает глубокую сущность «социологического метода» М. Хальбвакса, предпринявшего очевидную попытку преодоления макро-, микродилеммы в социологии, а также объективности и субъективности социальной реальности [Хальбвакс, 2000(в), с. 155–180]. «Общественно значимое действие невозможно объяснить самим фактом существования общества или единым принципом его функционирования: объяснение достижимо только в ходе исследования механизмов, связывающих индивидуальные мотивы и социальное принуждение» [Бикбов, 2000, с. 484] Именно эта идея «социального принуждения» и тот, выше приведённый тезис Дюгкгейма о том, что люди не сами «творят» культуру

---

¹ Например, «Статистика в социологии», «Методология Франсуа Симиана Рационалистический эмпиризм», «Закон в социологии».

турные формы, нормы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли», являются едва ли не ключевыми для понимания процессов трансформации сферы частной жизни.

Другим тезисом М. Хальбвакса, важным для целей нашего исследования, является то, что «каждый из порядков: физический, органический, психический, социальный – обладает относительной автономией и собственными закономерностями» [Бикбов, 2000, с. 485]. Поэтому искать объяснения изменений, происходящих в каждой из этих сфер, «следует не в экономической истории, а в ней самой» [Там же, с. 486]. Кроме того, М. Хальбвакс придерживался методического императива необходимости выявления множества причин (а не какой-то одной), которые определяют сложную социальную реальность современного общества. Эти идеи и ряд методических приёмов, разработанные М. Хальбваксом в первой половине XX века, были использованы, развиты группой социологов во главе с П. Бурдьё в 1970–1990-х годах.

Таким образом, изучение и анализ объективных физических «социальных фактов», характеризующих население, Э. Дюркгейм, а потом и М. Хальбвакс относили к предмету науки социальной морфологии. При этом подчёркивали специфичность исследовательских методов, практически альтернативных демографическим, но и отличных от социологических.

В дальнейшем состояние и характеристики населения рассматриваются социологами относительно изолированно от социологических проблем.

Например, Ян Щепаньский называет такие явления, как рождаемость, естественный прирост, возрастание плотности населения, возрастной состав населения «демографическими основами» общественной жизни, наряду с биологическими, географическими, экономическими основами [Щепаньский, 1967, с. 95–96].

Э. Гидденс пишет о народонаселении, о росте его численности как об одном из глобальных процессов, обуславливающих такие риски, как экологический кризис (состояние окружающей среды, глобальное потепление), нехватка продовольствия, ресурсов [Гидденс, 2005, с. 522–547]. При этом Э. Гидденс уделяет внимание теме демографического перехода, называя его «изменениями в отношении рождений к смертям в индустриальных странах с XIX в.» [Там же, с. 525], но не углубляется в сущностные

социальные (социологические) аспекты этой теории и не называет демографический переход глобальным явлением.

Здесь важно подчеркнуть, что Гидденс, рассматривает гендерные отношения, институты семьи, брака в предшествующих главах своей книги, но не связывает изменения/трансформации в этих социальных феноменах (их институциях, практиках, нормативности, ориентациях, предпочтениях, предрасположенностях и т.д.) с теми процессами, которые происходят в демографической сфере общества, в населении. То есть для этого автора, по-видимому, остаются без внимания идеи К. Дэвиса о целесообразности взаимосвязанного (социологического и демографического) рассмотрения тех сфер социальной реальности, в которых проявляются социально-морфологические факты (по Дюркгейму и др.) и соответствующие и обуславливающие их индивидуальные действия, поведение людей в приватной сфере и виды отношений (по Веберу и др.).

2.3. Демографические переходы как основание трансформации отношений в сфере частной жизни

Современными примерами применения интегрального подхода могут служить работы Р. Инглхарта, З. Баумана, У. Бек [Инглхарт, 1997; Бауман, 2005; Бек, 2000], в которых взаимосвязанно рассматриваются «размывание»/переопределение гендерных ролей, сексуальных норм, ценностей как результаты/эффекты модернизации демографической сферы общества (демографического перехода), происходящей параллельно процессам индустриализации, урбанизации, цивилизационного развития в целом.

Например, У. Бек, говоря о причинах изменения гендерных ролей, на первое место ставит демографический феномен: «Прежде всего благодаря увеличению ожидаемой продолжительности жизни (курсив У. Бека – А.М.) произошёл сдвиг в биографической структуре, в протяжённости жизненных фаз... Это способствовало «демографическому освобождению женщин». «Жизнь ради детей стала для женщин *проходным* жизненным этапом. За ним следуют в среднем ещё *три десятилетия* «опустевшего гнезда» – вне традиционного средоточия женской жизни» [Бек, 2000, с. 166–167].

Наиболее чётко демографическая обусловленность социальных трансформаций, причём уже конкретно – трансформаций от

ношений в семье, в сфере частной жизни – анализируется демографами У. Томпсоном, А.П. Хоменко, А. Ландри, А.Г. Вишневским, Д. Ван де Каа, Р. Лестегом [Thompson, 1929; Хоменко, 1980; Landry, 2005; Вишневский, 2005(a); Van de Kaa, 1987; Lestaeghe, 1992] и другими исследователями, изучающими феномен демографической революции или демографического перехода (первого и второго), его предпосылки и последствия. И то, как изучаются эти демографические феномены и их социальные последствия (методы, объём эмпирических материалов, интерпретации) вполне можно охарактеризовать как объективный, макроуровневый подход. Но социальный механизм этих глобальных изменений (демографических переходов) по-прежнему остаётся неясным, т.е. в рамках теории демографического перехода описываются общие черты демографических изменений и делается вывод о том, что социальные последствия этих изменений состоят в трансформации ценностно-нормативной системы, касающейся сферы частной жизни. Хотя общее социально-демографическое теоретизирование создаёт впечатление надёжности и справедливости объяснительных схем.

Различия в нормативных системах и отношениях во времена первого (примерно конец XVIII – начало XX века) и второго (вторая половина XX века – настоящее время) демографических переходов ясно показывают два ключевых слова: *альтруизм и индивидуализм*¹.

♦ Для нормативной культуры первого перехода (к малодетной модели семьи через ограничение рождаемости) центральным моментом было внимание к семье и ребёнку, важность их для взрослых людей. Глубокие изменения произошли в отношении к детству – эпоха внутрисемейных отношений с одним-двумя детьми характеризуется как детоцентризм.

♦ Содержанием второго перехода стал процесс акцентуации на правах и самовыражении личностей взрослых индивидов.

Косвенными детерминантами первого перехода были урбанизация, индустриализация и секуляризация. Последняя отражала снижение влияния церкви, что повышало готовность супругов к ограничению рождений. Косвенные детерминанты второго перехода сложнее установить. Исследователи – демографы и социологи семьи – пока не пришли к согласию о них, хотя

---

¹ Речь идёт об индустриально развитых странах Европы, Америки, Азии (Японии), России.

многие считают, что они обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющихся постиндустриальных обществах. В этих обществах стандарт жизни индивида определён, главным образом, его уровнем образования, степенью поддержки социальных целей, мотивацией персонального развития и использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного персонального дохода, экономической и социальной независимости. Между тем такие события в жизни людей, как вступление в брак и/или рождение ребёнка/детей, может существенно усложнить реализацию карьерных возможностей, чаще всего для женщин.

По-видимому, главная черта второго перехода, проявляющаяся в демографических, статистических показателях – изменение общепринятой последовательности событий формирования семьи как последствий автономизации сексуальных, брачных, репродуктивных практик [Van de Kaa, 1987].

Как видно, эти специфические (постмодернистские) характеристики этапа, следующего за первым демографическим переходом, в значительной степени отражают индивидуальные или групповые действия, практики, типы поведения людей в сфере частной жизни. Если «допереходные» – традиционные нормы брачного, сексуального (в браке), репродуктивного, семейного поведения требовали от женщины максимального удлинения репродуктивного периода, и дети, рождавшиеся в браке рассматривались как подтверждение выполнения этих норм, то ослабление демографического давления (снижение смертности на первом этапе демографического перехода) вызвало нарушение слитности всех видов демографического поведения: брачного, сексуального, репродуктивного и семейного в целом. Постепенно, на протяжении последних двух-трёх веков происходило относительное разделение (автономизация) этих видов поведения и соответствующих семейных отношений. Демографы А.Г. Вишневский, С.В. Захаров, Е.И. Иванова и другие исследователи изучают в своих работах эти процессы как всё более расходящиеся и предполагающие неоднозначность, гибкость, ненавязчивость нормативной основы семейного поведения людей, их действий в сфере частной жизни, касающихся сексуальности, брачности, репродуктивности, родительства [Демографическая модернизация... 2006, с. 96–246].

Вообще, теория демографических переходов основывается на весьма важном принципе для целей нашего исследования – историчности (сменяющихся в ходе истории) типов/режимов воспроизводства населения А. Ландри: примитивного, переходного и современного (цит. по: [Вишневский, 1992, с. 45]). А.Г. Вишневский в своих работах развивает эту идею, называя эти режимы архетипом, традиционным и современным (рациональным).

На этой основе – историчности изменений всех видов поведения в сфере частной жизни и исходя из институтирующей семью воспроизводственной функции С.И. Голод построил свою теорию исторических типов семейных отношений: патриархатного (традиционного), детоцентристского (современного) и супружеского (постсовременного) [Голод, 1998].

Суть этой теории состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений: родственных, детско-родительских, супружеских – в их исторической динамике. С.И. Голод так же, как и вышеупомянутые демографы, пишет о гибкости нормативной системы брачного и семейного поведения современных людей: «Действительно, предпочтительно, но не обязательно вступление в брак; желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием, т.е. современная нормативность, будучи социальным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» [Голод, 1984, с. 8]. И здесь уже проявляется попытка интеграции макро- и микроподходов в социологии семьи: трансформация внутрисемейных отношений связывается с изменением брачного, сексуального, родительского – в целом демографического поведения – с позиции их исторической трансформации. Однако и в этой концепции остаётся вне объяснения социальный механизм переходов (исторических) от одних типов семейных отношений к другим.

Глава 3
**МОДЕЛЬ МЕХАНИЗМА ТРАНСФОРМАЦИИ
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ «МАКРО – МИКРО»,
«ДЕЙСТВИЕ – СТРУКТУРА» ДИЛЕММ
В СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ**

**3.1. О некоторых специфических чертах теоретизирования
в рамках социологии семьи**

Проблемы преодоления «макро – микро», «действия – структуры»¹ дилемм, а также вопросы мультипарадигмальности в общей социологической теории рассматриваются во многих работах российских и зарубежных теоретиков (см., например [Ритцер, 2002; История..., 2002; Ядов, 2006]). Дж. Ритцер пишет об этих дискуссиях как о теоретическом экстремизме: «Со стороны «макроэкстремизма» выступали теория конфликта, структурный функционализм и некоторые разновидности неомарксистской теории (особенно экономический детерминизм), с «микроэкстремистской» – символический интеракционизм, этнометодология, теории обмена и рационального выбора» [Ритцер, 2002]. Но, как он справедливо отмечает (вслед за С. Московичи²), даже те классики, идеи которых принято считать выражением полярных взглядов: микропозиций (М. Вебер, Г. Зиммель) или макропозиций (К. Маркс, Э. Дюркгейм) – были озабочены соединением микро- и макроуровней: «отчуждение» у Маркса, индивид в железных тисках рационального общества у Вебера, отношение между объективной и субъективной куль-

---

¹ Подчеркнём ещё раз, что «структура» в данной работе – категория структурализма, т.е. термин «структура» используется нами в отношении к глубинным, внутренне неявным моделям мира, выделяемым структуралистами. Это понятие близко к определению его в рамках структурного функционализма, где в качестве социальных структур рассматриваются любые устойчивые образцы (модели) взаимодействия людей или групп в определённой сфере. Вклад каждой социальной структуры в воспроизводство социального порядка – это функция данной структуры. Термин «структура» не является синонимом терминов «субъект» и «общество».

² Moscovici, S. *The Invention of Society*. Cambridge, Mass.: Polity, 1993. Цит. по: [Ритцер, 2002, с. 643].

турой – у Зиммеля, влияние социальных фактов на индивидуальное поведение (например самоубийство) – у Дюркгейма [Ритцер, 2002, с. 417].

В социологии семьи как теории среднего уровня (по Р. Мертону [Мертон, 1996]) проблема интеграции «макро – микро» и «действия – структуры» специально практически не обсуждается; просто при постановке проблемы исследования приводятся определения семьи как социального института (структуры) и как малой социальной группы (действия), а затем обосновывается выбор того или иного подхода, соответствующего целям конкретного исследования. И чаще всего – этот выбор останавливается на изучении взаимоотношений членов семьи, как малой группы (микropозиции, действия), но интерпретируемых в контекстах институциональных ограничений: функций, ролей, статусов¹ (макропозиции, структуры).

Проблему преодоления дилемм можно трактовать и по-иному: практически во всех работах, и особенно в отечественных исследованиях, как уже отмечалось ранее, анализу проблем индивидуальных семейных отношений (микropозиций, действия) всегда предшествует описание «демографического фона» – динамики числа, величины и состава семей, уровни показателей рождаемости, брачности, разводимости, интерпретируемых чаще всего как институциональные дисфункции, деинституализация – в смысле макропозиций, структуры.

Следует отметить, что в «большой» теоретической социологии вообще-то было бы ошибкой приводить эти термины через запятую – соединять написанные в скобках «микropозиции и действия» и «макропозиции и структуры». Потому что некоторые действия могут совершаться макросубъектами, например социальными классами или государствами. И наоборот, структуры также могут «срабатывать» на микроуровне, будучи включёнными во взаимодействие людей. Т.е. вообще в социологии, как отмечает Дж. Ритцер, «“микро“ может относиться или не относиться к индивидам, “агентам“, а “макро“ может иметь или не иметь отношение к “структурам“» [Ритцер, 2002, с. 447]. Однако в нашем случае, когда исследование ведётся в рамках социологии семьи, то здесь – при изучении внутрисемейных отношений – конкретными субъектами действий являются индивиды или их неболь-

---

¹ См., например: [Окно..., 1999; Черкашина, 2005].

шие группы-семьи (микроуровень). «Структуру» же для исследования в этой социальной сфере можно пока представить как некий уровень/этап демографического развития общества (макроуровень). Так что, по-видимому, при теоретизировании в рамках социологии семьи вполне возможно совместить рассмотрение проблемы преодоления дилемм «макро – микро» и «действие – структура».

Важным моментом, который следует акцентировать, является то, что в дискурсе знания социологии семьи, если и рассматривается «макроуровень», как система, влияющая на изменения семейных, гендерных и других отношений, то в этом качестве предстаёт «общество» (см., например [Харчев, 2003; Гурко, 2008; Мацковский, 1989; Здравомыслова, 2003; Карцева, 2001]). Так А.И. Антонов, вслед за А.Г. Харчевым и М.С. Мацковским, считает, что основная социальная функция семьи – быть «посредником», «промежуточным звеном» между обществом и индивидом [Социология..., 2007]. Л.В. Карцева обозначает свой подход как «субъектно-центрический», но главным фактором происходящих в семье изменений считает социально-экономическое состояние общества (реформы, экономические кризисы) [Карцева, 2002, с. 19]. Несомненно – и «общество», и его экономические, социальные, политические, военные (войны) состояния в определённые периоды сказываются на том, что происходит (или не происходит) в частных, семейных отношениях: сексуальных, брачных, детско-родительских, супружеских, партнёрских и т.п. Но на наш взгляд, детерминирующее влияние на векторы трансформации этих отношений оказывает не состояние общества вообще, а состояние той специфической сферы общественных отношений, которую назовём приватно-демографическим полем.

3.2. Приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус – основополагающие компоненты механизма трансформации семейных отношений

Действительно, практически во всех исследованиях семьи семейных отношений упоминается как методологический посыл фраза, ставшая крылатой: «какое общество, такая и семья». Но более обоснованно было бы соотносить трансформации семей

ных отношений и институциональные изменения в сфере частной жизни не с состоянием общества или с её (семьи) местом среди других институтов, а именно с состоянием той сферы общественных отношений, в которой происходит возобновление поколений.

Весомым обоснованием такого подхода служит знание о том, что, во-первых, на протяжении всего XX века наблюдались весьма сходные социальные процессы в сфере частной жизни в западноевропейских странах, в России и в европейских республиках СССР при кардинально различных условиях социально-политического и экономического устройства этих обществ. Это и свидетельствует об относительной независимости отношений в сфере частной жизни от контекстуальных/конъюнктурных социальных, экономических и других условий. Во-вторых, многие виды последствий отношений людей в сфере частной жизни – сексуальных, брачных, семейных, витальных и др. – являются предметом демографической науки (процесс формирования численности населения). И в этой научной области есть знания о многих закономерностях этого процесса – прежде всего то, что в урбанизированных, индустриально развитых странах модернизация демографической сферы происходит в русле общего (глобального) закона – смены прежнего («традиционного») режима/типа воспроизводства населения другим («современным»)¹.

Конечно, неверно настаивать на том, что состояние дел и трансформационные процессы в приватно-демографической сфере (интегрированного объекта изучения), совсем не зависят от уровня развития общества в целом. Известно, что есть огромные различия, как в семейных отношениях, так и в режимах демографического воспроизводства между индустриальными и аграрными обществами или, как теперь принято их классифицировать – «развитых», «развивающихся» и «отсталых» странах. Речь идет не об абсолютной, а об относительной автономности приватно-демографической сферы общества. Более того, в процессе «значительного экономического роста, цивилизационного развития и

---

¹ Многие исследователи-демографы указывают на общие характеристики (этапы) развития обществ, в которых выявлены сходные закономерности как в брачно-семейных отношениях, так и в режимах/типах возобновления поколений (см., например: [Демографическая модернизация..., 2006; Lesthaege, 1992; Van de Kaa, 1988; Капица, 2010]).

особенно на его модернизационном этапе» (цит. по: [Глинчикова, 2007]) в обществе проявляются такие характерные черты, как всё большее «разделение на частное и публичное и развитие публичной сферы в обществе» [Там же, с. 40].

Вообще говоря, относительная автономность присуща не только приватно-демографической, но и практически всем другим сферам общества: экономической, политической, юридической, образовательной, религиозной, научной, литературной и др. Эти и некоторые другие социальные сферы изучал П. Бурдьё, подчеркивая их относительную автономность («полуавтономность»), называя их социальными полями/подпространствами. Он как раз и исследовал механизмы, позволяющие преодолеть оппозицию структуры/действия, объективизма/субъективизма [Бурдьё, 2007(г)].

По теории П. Бурдьё (генетического структурализма или «структуралистского конструктивизма») противопоставление объективизма и субъективизма, структурной необходимости и индивидуальных действий является ложным; как он писал, «абсурдной враждой между индивидом и обществом» (цит. по: [Ритцер, 2002, с. 456]). Одним из важнейших принципов социологии П. Бурдьё является положение о том, что в социальном мире существует ряд полуавтономных полей /подпространств, «каждое из которых обладает своей собственной особой логикой, функционирует и развивается по своим собственным законам и формирует у акторов мнение относительно того, что в определённом поле имеет значение» [Там же, с. 462]. Если относительно автономная социальная сфера имеет цель и движущие силы, то она представляет собой поле [Бурдьё, 2007(в), с. 185].

При разработке теоретической модели трансформации семьи мы также исходим из этих методологических предпосылок, а именно из того, что область нашего исследования – приватно-демографическая сфера – является одной из таких «полуавтономных» социальных сфер и назовем её «приватно-демографическим полем». Его цель – возобновление новых поколений и их первичная социализация.

Говоря о приватности, мы подчёркиваем относительное отделение этого поля от публичных полей: экономического, юридического, политического, образовательного, научного, художественного и др. Это поле действительно представляет собой относительно замкнутую совокупность специфических социальных от-

ношений, отличающих его от любого другого поля и вообще — от пространства публичной сферы общества¹.

Структурными элементами приватно-демографического поля являются следующие виды отношений людей в сфере частной жизни:

- сексуальные (как интимные, супружеские);
- брачные (как изменение брачного статуса);
- сексуальные и репродуктивные (как производство жизни);
- отношения с детьми (как родительство, отношение к детству);
- отношение к жизни, здоровью (сохранение/разрушение);
- гендерные отношения (в приватно-демографическом поле).

Все они представляют собой сложные социальные отношения, которые происходят не всегда и не только в рамках брака и семьи. Поэтому в целом приватно-демографическое поле шире, чем семья и брак в их обычном понимании.

Называя это поле демографическим, мы тем самым подчёркиваем его детерминированность исторически меняющимися демографическими условиями — режимами воспроизводства населения. Подчеркнём, что это не просто «демографический контекст» («здесь и сейчас») общества или «демографическая ситуация», а исторически сложившаяся некая социальная *структура*, которая детерминирует действия, поведение людей в сфере интимной жизни: чувственности, любви, секса, брака, легитимизации этих отношений, рождения или предотвращения рождений потомства, действия по сохранению здоровья, жизни своей и детей, их социализации (научению жить в обществе), отношения к сохранению здоровья и жизни родителей, прародителей, других родственников и пр.

Таким образом, приватно-демографическое поле существует лишь потому, что в нём находятся «агенты» — взрослые индивиды (мужчины, женщины), семьи с детьми или без детей, супружеские пары и пр., между которыми и внутри которых устанавлива-

---

¹ В задачи данной работы не входит воспроизводство всех тонкостей теории П. Бурдьё применительно к области нашего исследования — социальным отношениям в сфере частной жизни. Но поскольку использование категорий этой теории, на наш взгляд, действительно даёт основания для построения интегральной модели трансформации (и преодоления методологических дилемм в социологии семьи), мы опираемся на некоторые теоретические принципы и понятия этой теории.

ются специфические отношения, перечисленные выше, и реализующиеся в их действиях, практиках¹.

«Практики» – это проявление диалектической взаимосвязи между детерминирующей их структурой и действием. Эта диалектическая взаимосвязь отражает принцип двойного структурирования социальной реальности, который является теоретической основой социологии П. Бурдьё – комплекс представлений о генезисе² и структуре социальной реальности. Применительно к нашему исследованию это означает, что в приватно-демографическом поле существуют *объективные структуры*, не зависящие от воли и сознания людей, которые могут ограничивать, подавлять или стимулировать интимные, сексуальные, брачные, репродуктивные, супружеские, гендерные, родительские и другие практики и представления агентов (индивидов, семей, партнёрских союзов) в этом поле. В то же время (с другой стороны) индивиды, семьи, союзы производя указанные практики, воспроизводят или преобразуют структуры приватно-демографического поля: например, происходят изменения гендерных отношений, переопределяются семейные роли, появляются и распространяются запрещённые, или неодобряемые, или неизвестные в прошлом (например виртуальные) формы интимных и других приватных отношений в этом поле.

Но рассмотренные две стороны генезиса (поле – практики – поле) приватно-демографической реальности, хотя и находятся в «диалектическом единстве», но не равнозначны. Они имеют, по Бурдьё, свою иерархию: «субъективное структурирование социальной реальности есть подчинённый момент структурирования объективного» [Шматко, 2007, с. 568]. В нашем случае – приватно-демографического поля – это объясняет то, что индивиды и семьи могут осуществлять свои практики только «внутри» уже существующих, *исторически сформировавшихся* «приватно-демографических отношений», но тем самым агенты (индивиды, семьи, союзы/группы) могут лишь воспроизводить или трансформировать их. Так что приватно-демографическое поле – это специфическая система объективных отношений между различными *позициями*, определяемыми этапом демографического раз-

---

¹ Практики по Бурдьё – это «всё, что делает агент», т.е. не то же самое, что деятельность или активность (см.: [Шматко, 2002, с. 388]).

² П. Бурдьё пишет о генезисе как о происхождении, установлении причинно-следственных связей между социальными явлениями [Бурдьё, 2007(6), с. 135].

вития общества и в большой степени независимыми от индивидов, которые эти позиции занимают (или не занимают). Воспроизводство/трансформация отношений в этом поле возможны только как реализация «практических схем, схем восприятия, мышления, диспозиций», являющимися результатом/продуктом интериоризации *объективных социальных структур*» [Бурдьё, 1994(а), с. 181–182] и составными частями того, что, следуя теории Бурдьё, назовём приватно-демографическим *хабитусом*¹.

Специфичность приватно-демографического поля заключается в нескольких моментах: это и его «закрытость» (от посторонних глаз, в том числе и исследовательских), и обусловленное этим его свойством качество информации о происходящем в частной жизни, зачастую – недостоверность данных, включая данные государственной статистики. Эта специфика приватно-демографического поля создаёт известные сложности в изучении происходящих в нём процессов. Но не меньшую сложность в познании этого поля представляет и исследовательский «автоморфизм» – отражение (личных) представлений, взглядов, идеологии исследователей при интерпретациях, объяснениях действий агентов в приватно-демографическом поле как совмещение несовместимого: «осуществляется перенос с учёного субъекта, обладающего прекрасными знаниями относительно причин и шансов, на действующего агента, который, как полагается, рациональным образом склонен ставить перед собой цели, соответствующие шансам, определяемым действием причин», – иронизирует П. Бурдьё в адрес сторонников теории рационального действия [Бурдьё, 2007(б), с. 161]. И в гораздо большей степени эта реплика относится к учёным, изучающим семью, брак, рождаемость.

Главная – онтологическая – специфика этого приватно-демографического поля состоит в том, что его современное состояние в европейских обществах, его объективная структура начала трансформироваться всего два-три века назад. В России сроки этой трансформации ещё короче. Но именно эта трансформация послужила «базисом» изменений всего множества отношений в сфере частной жизни. На протяжении же нескольких миллионов лет существования человека и до XVII–XIX веков структуру при-

¹ Термин «хабитус» происходит от лат. *habitus* – свойство, состояние, положение, и обычно никак не переводится. Бурдьё даёт множество определений хабитуса, его свойств, действий, относясь к нему как к субъекту: «хабитус формирует, защищает себя, определяет...» [Современная социальная теория... 1995, с. 17].

ватно-демографического поля можно охарактеризовать как исторически стабильную. Действовавшие 5–6 миллионов лет¹ в приватно-демографическом поле силы – отношения, позиции, диспозиции (предрасположенности), обычаи, традиции, запреты, табу, нормы, законы, практики – были направлены на выживание человека как биологического вида.

Тогда, в те доисторические времена, в тех условиях существования/выживания и появилась система прочных, приобретённых предрасположенностей, или тот самый приватно-демографический хабитус, предназначенный для функционирования в качестве принципов, норм, запретов, регулирующих сексуальные, брачные, репродуктивные практики. Главный смысл того («бывшего») исторически сложившегося, «миллионлетнего» приватно-демографического хабитуса (или просто биологического [Коновалов, 2010]), и сейчас ещё действующего во многих обществах (африканских, азиатских) состоял в максимизации рождений здоровых потомков. Поэтому параллельно в многовековой истории человечества были выработаны и утвердились табу на сексуальные связи, ведущие к рождению нежизнеспособного потомства. Эти табу были направлены именно на выживаемость (биологическую) человеческого рода, поскольку «разумные особи» замечали меньшую жизнеспособность потомства в результате таких связей [Энгельс, 1978]. Эти запреты относились на такие сексуальные связи, как:

- между родителями и детьми (первичный инцест²),
- между кровными братьями и сёстрами (первичный инцест),
- между родственниками по супружеской линии (вторичный инцест).

Вершиной структурирующих действий того исторического (первобытного, древнего, но и «традиционного») хабитуса и структурированных им практик древних людей было появление

---

¹См., например: Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia» // www.rusnanonet.ru/academia060510/ (дата обращения к документу: 18.11.2010).

²Инцест – кровосмешение (лат.): брачно-половые отношения между ближайшими родственниками; был характерен для так называемого первобытного стада, исключён правилами экзогамии (Но, например, для египетских фараонов считался предпочтительным брак с родной сестрой.) В развитых обществах считается аморальным. Кровосмесительные браки весьма неблагоприятны в генетическом отношении и запрещены законом в большинстве стран мира [Козлов, 1994].

важнейшей структуры приватно-демографического поля – преимущественно моногамного брака, единобрачной семьи. По-видимому, именно ради этого выживания биологического вида *homo sapiens* произошло то, что Ф. Энгельс назвал «поражением женского пола» [Энгельс, 1978, с. 72], т.е. возникновение жёсткого/жестокое запрета-табу на женскую сексуальную практику вне брака (и вообще – женского сексуального удовольствия¹) в целях определения социально-биологической однозначности происхождения потомства.

Именно приватно-демографический хабитус, будучи продуктом объективной необходимости того – доисторического, исторического, средневекового времени – выживания человека как биологического вида – порождал «резонные», «общепринятые», безинтенциональные способы поведения, практики, отношения в приватно-демографическом поле. Только такие практики были возможны в повседневности частной жизни, поскольку именно они положительно санкционировались, потому что были максимально приспособлены к объективным целям приватно-демографического поля – воспроизводству новых поколений. Но и тот архитипический «исторический» хабитус и производимые им модели мышления, действия, практические схемы были довольно эффективны – *Homo Sapiens* выжил и расселился по всему миру.

Важнейшим требованием архитипического, а затем и «традиционного» хабитуса (вплоть до недавних XVII–XVIII веков) была жёсткая сцепленность (слитность, нерасчленённость) сексуальных, брачных и репродуктивных отношений [Вишневский, 1982, с. 172–176]² внутри моногамной семьи – как требование объективных структур приватно-демографического поля в условиях низкой продолжительности жизни – 20–25 лет (сохранения социально-биологического вида в течение многомиллионной истории человечества). Объективно приватно-демографический хабитус является законом приватно-демографического поля, он задает «рамки», в которых агент поступает, «как полагается» поступать в этом поле.

Между тем, как следует из концепции хабитуса, «без «насилия или спора из практик исключаются (хабитусом) все «крайности, т.е. все те поступки, которые санкционировались бы негатив-

¹ См, например, [Голод, 2008, с. 40–49].

² Заметим, однако, что здесь ещё не присутствуют родительско-детские отношения как вид семейно-социальных, а не только демографических отношений.

но, поскольку они несовместимы с объективными условиями» [Бурдьё, 1995, с. 21]. В приватно-демографическом поле архетипического и традиционного (феодалного/аграрного) обществ такими «крайностями» считались и считаются воздержание от брака, его откладывание, отсутствие детей в браке, рождение детей вне брака, развод, нарушение гендерного режима – патриархатности – и др.

Даже если такие события и происходили, то они были крайне редкими в реальной действительности, поскольку, в соответствии с концепцией хабитуса (его функция – ограничение, принуждение субъективных устремлений агента) нарушения подвергались социальному контролю, санкционировалось наказание участвующих в них агентов. Агенты (индивиды и семьи) приватно-демографического поля «никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего хабитуса, т.е. объективным структурам, продуктом которых является сам хабитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха»¹.

Модели мышления, практические схемы, практики, основанные на архетипическом и «традиционном» хабитусах (по существу, представляющих одинаковые ансамбли табу, «связок» и пр.), производились и воспроизводились на протяжении нескольких миллионов лет. И только два-три века назад (в XVII–XVIII веках) начались едва заметные изменения сначала в структуре приватно-демографического поля западно-европейских обществ [Хаджнал, 1979], а в XIX веке – и российского общества [Тольц, 1977 с. 138–153; Вишнеvский и др., 2006; с. 67–254]:

– становится возможным откладывание брака, воздержание от сексуальных отношений (пуританство) или, хотя бы, не нормативно контролируемым, не осуждаемым;

– затем появляются и распространяются практики внутрисемейного ограничения числа детей у брачных пар, постепенно меняется отношение к детству (или, наоборот, – сначала дети становятся объектом любви, нежности, интимности – происходит «открытие детства» [Арьес, 1999], а потом – ограничение их числа в семье);

---

¹ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. – P., 1994 (цит. по: [Шматко, 2002, с. 399]).

– появляется психология детоцентризма¹, романтическая любовь, возможность «брака по любви», возможность развода, равноправие партнёров в сексуальных отношениях, в интимной сфере, самооценность партнёрства без репродуктивных намерений (см., например, [Гидденс, 2004]) и пр.

Такое переопределение приватно-демографического хабитуса и, соответственно, структуры приватно-демографического поля исторически постепенно происходило в процессе демографического перехода. Объективными основами-импульсами к нему были (и есть) эпидемиологический переход и обусловленный им демографический взрыв, который начался в XVII веке в европейских обществах и продолжается в настоящее время как глобальный феномен [Капица, 2010]². Новые, объективные условия приватно-демографического поля, возникшие в результате «эпидемиологического перехода»³, постепенно переструктурировали его хабитус – появился новый интериоризированный (инкорпорированный) набор/ансамбль приватно-демографических отношений, норм, представлений, диспозиций.

Таким образом, в соответствии с новыми объективными условиями – перенаселением/демографическим взрывом – происходит и ослабление жёстких (жестоких) требований соблюдения законов/норм прежнего приватно-демографического поля: традиционных семейных (моногамных) устоев, обеспечивающих жёсткую слитность брачной, сексуальной и репродуктивной практик. То есть сначала происходит (в общественном сознании) ослабление контроля за соблюдением старых норм, а затем и пересмотр необходимости их «общей» направленности на «естественную», т.е. максимальную плодовитость. Эти практики под воздействием «переопределённого интериоризированного хабитуса» распространяются сначала в высших, наиболее образованных, богатых, зажиточных слоях европейских обществ. Экстериоризация хаби-

---

¹ О рефлексии и рационализации детоцентризма (одно-двухдетной модели семьи) на основе теорий «ценности детей» и «полезности детей» (в категориях экономической «теории помех») – см. например, [Антонов, 1980; Дарский, 1979; Вишневский, 1979].

² Исторический генезис приватно-демографического хабитуса рассматривается в следующей главе.

³ В концепции эпидемиологического перехода выделяются исторические закономерности и детерминанты причин смерти как определяющего феномена в зарождении демографического перехода.

тусов этих социальных групп постепенно становится объективной реальностью приватно-демографического поля европейских обществ (Франции, Англии, Германии).

К началу XX века эти трансформации (структуры приватно-демографического поля и приватно-демографического хабитуса) охватывают всё большее число обществ, в том числе и Россию, где происходят те самые явления в приватно-демографическом поле, которые П. Сорокин в 1916 г. назвал «кризисом современной семьи» (цит. по: [Голод, 1998]). Эти трансформации продолжаются на протяжении всего XX века и, по-видимому, имеют необратимый характер. Такой вывод следует из того, что согласно концепции приватно-демографического хабитуса как закона соответствующего поля (продукта истории) он переопределяется в соответствии с объективными условиями/требованиями именно этого поля. Поскольку хабитус является необходимым субъективным условием практик агентов в приватной сфере, то именно этим приватно-демографический хабитус делает возможным экстерниоризацию интериоризированного. Иными словами, этот хабитус воспроизводит внешние структуры приватно-демографического поля как бы под видом внутренних структур и диспозиций агентов.

Если внешняя структура характеризуется *демографическим взрывом, перенаселением*, то структурирование диспозиций, представлений и практик агентов происходит так, что они оказываются адекватными, адаптированными к этой ситуации взрывного роста численности населения. И тогда в практиках агентов приватно-демографического поля появляются такие «новые элементы», как откладывание вступлений в брак, воздержание от сексуальных связей (целомудрие, пуританство), внутрисемейное ограничение числа детей, внебрачные рождения, разводы, повторные союзы, сожителства (без детей), однополые союзы и прочие формы частной жизни. Важно подчеркнуть, что такие формы/практики не ведут к обязательным, как прежде, многочисленным рождениям, и вообще – к зачатиям и рождениям. Такие практики были известны и в античной истории, и именно в те времена, когда перенаселение воспринималось как угроза государственного благополучия¹.

Для того чтобы представить модель трансформации семейных отношений во взаимосвязи с состоянием приватно-демографи-

---

¹ Например, в Древней Греции (см. [Фуко, 2004, с. 315–421]).

ческого поля и хабитуса, надо иметь в виду, что хабитус имеет несколько свойств (интериоризированных «персонифицированных» схем), которые весьма важны с точки зрения методических основ анализа отношений, реализующихся в рамках поля.

- Прежде всего, это то, что хабитус – продукт истории, но и продукт объективных условий, сходных с теми, в которых он исторически возник. Так что хабитус, по определению Бурдьё, «есть история, ставшая природой»: диспозиции, составляющие габитус, неосознанны (цит. по: [Шматко, 2002]). Это «коллективное бессознательное», которое производит сама история, воспроизводя приватно-демографические отношения в псевдоприроде, каковым и является приватно-демографический хабитус. Так, Морис Хальбвакс писал о тенденциях повышения возраста вступления в брак во Франции в начале XX века, как о некоем «коллективном бессознательном брачном марше» [Хальбвакс, 2000(а)].

- Другое свойство хабитуса основано на том, что его формирование в процессе интериоризации приватно-демографических отношений происходит в несколько этапов. Первичный хабитус складывается в семье под воздействием родительских диспозиций, статусов, характеров, личностных характеристик (здоровья, внешности и пр.). Этот *первичный* приватно-демографический хабитус является основой для восприятия и усвоения/интериоризации школьного-внешкольного образования – *вторичный* хабитус. Он, в свою очередь, выступает условием восприятия и оценки адекватности реальной действительности и сообщений СМИ, политических деклараций и т.д., т.е. институтов публичной сферы и продуктов их деятельности.

- Следующей характерной чертой хабитуса является его гомологичность – схожесть приватно-демографических условий формирования хабитуса. В нашем случае это свойство может быть положено в основу конструирования «групп по приватно-демографическим траекториям», т.е. агентов/семей с большой вероятностью совпадения ситуаций в сфере частной жизни по сравнению с агентами из разных других групп. Основанием этой гомологии хабитуса могут быть диспозиции в отношениях брачного супружества, внебрачного супружества, родительства в «целой» семье, послеразводного родительства, внебрачного материнства и т.д. Практики агентов, относящихся к одной группе, приватно-демографический хабитус делает «разумными», связанными просто потому, что в схожих приватно-демографических условиях

«работают» схожие практические схемы. Более того, Н.А. Шматко считает, что в этом случае «хабитус представляет собой, во-первых, условие согласования практик агентов, относящихся к одной группе, и, во-вторых, является самой практикой согласования» [Шматко, 2002, с. 401].

• Ещё одно свойство хабитуса – эффект инертности, запаздывания или гистерезиса: какое-то время после того, как социальные условия изменились (в нашем случае – общество пережило демографический взрыв и перешло на новый демографический режим), часть агентов продолжают воспроизводить старые социальные отношения, продуктом которых является его хабитус (в браке, в семье, в родительстве и др.)¹. Именно благодаря эффекту гистерезиса можно объяснить столь долговременную и столь сильную дифференциацию типов семейных, брачных, репродуктивных, гендерных отношений в разных обществах, отражённых в их культурах. Хотя, если сравнить продолжительность в несколько миллионов лет реализации этих отношений, практик, позиций, диспозиций в рамках традиционного приватно-демографического хабитуса и одно-два столетия – в рамках современного, то кажется, что эта переструктуризация поля происходит не так уж медленно.

В результате изменений социальных и приватно-демографических отношений, диспозиций агенты (индивиды, семьи, «группы по траекториям») осуществляют свои практики в частной жизни в соответствии с интериоризированным приватно-демографическим хабитусом, но, так или иначе, подчиняясь законам приватно-демографического поля и не ощущая при этом принуждения со стороны макроструктуры. Сущность этих законов, как и приватно-демографического хабитуса, состоит в разумном ограничении числа рождений. В рамках этих законов объективной структуры приватно-демографического поля происходит и будет происходить конструирование агентами общих ситуаций, схожих, типовых моделей действий, практик, что обуславливает их институционализацию – и это уже не только институты семьи и брака в их традиционном понимании, но иные, инновационные агенты приватно-демографического поля – институты и структуры.

---

¹ Когда П. Бурдьё пишет о гистерезисе, он упоминает любимый пример Маркса – Дона Кихота [Бурдьё, 1995, с. 28–29].

Выводы к части I

Изучение трансформационных процессов, происходящих в сфере частной жизни – брачные, интимные, супружеские, родительско-детские, гендерные и другие приватные отношения – наиболее продуктивно на основе реальной междисциплинарности, которая заключается в построении гомогенного объекта исследования, интегрирующего рамки социологического и демографического знания с ориентацией на получение знания в предметном поле социологической науки – социологии семьи. В монографии разработан такой гомогенный объект исследования – приватно-демографическое поле и приватно-демографический хабитус как его продукт.

Изучаемая социальная сфера, определяемая в работе как «приватно-демографическое поле», характеризуется относительной автономностью от других полей социального пространства. Эта относительная автономность обусловлена: а) специфичностью целей функционирования приватно-демографического поля: возобновление поколений и их первичная социализация, организация форм частной жизни, обеспечение психологически комфортного для человека приватного микромира, способствующего раскрытию его индивидуального потенциала; б) особенностью движущих сил данного поля – специфическими социальными отношениями в приватно-демографической сфере, детерминируемыми чувственностью, эмоциональностью, интимностью, сексуальностью – по сравнению с отношениями в публичных полях социального пространства.

Другой важной характеристикой приватно-демографического поля является относительная устойчивость закономерностей его функционирования в тех обществах, где произошёл демографический переход. Эти закономерности проявляются в распространении принципов, моделей, практик ограничения числа рождений и представляют собой результат экстерниоризации таких повседневных обыденных диспозиций /действий /практик в сфере изучаемой совокупности отношений, которые являются структурными компонентами – движущими силами приватно-демографического поля. В свою очередь это поле производит приватно-демографический хабитус как продукт демографической истории, проявляющийся в индивидуальных и коллективных практиках как нерелексированных бессознательных принципах, образцах, моделях.